

ПОЭТ БОЛЬШОГО СТИЛЯ

Владимир Бондаренко о протестной поэзии Юнны Мориц

Пожалуй, это последний из значимых поэтов России двадцатого столетия, продолжающий творить и сегодня. И всегда — наперекор всем. Всегда — в черном списке у любой власти. Этакая Черно-Мориц. Юнна Мориц всегда чувствовала себя чужой на пиру любой из элит. *«Никакую паутину / исступленно не плести, / одиночества картину / до шедевра довести!..»* Может быть, это и спасало ее поэзию, которую она воспринимала как важнейшую часть жизни. Вот уж кто не согласится с представлением, господствующим на Западе, что поэзия — это некая игра для ума или развлечения, что поэт — некий специалист, овладевший некой профессией. Нет, поэзия способна переименовать, переделать, возвысить мир.

Вот она и борется за светлый мир с давних шестидесятых годов XX века. Но как-то сразу же, с киевской юности попав в «дурную кампанию» непослушных поэтов, от Пушкина до Блока, от Лермонтова до Пастернака, она при всех своих возвышенных идеалах при всех властях пребывала и пребывает в «черных списках». Казалось бы, совсем девчонкой отправилась плавать по Арктике на ледоколе «Седов», побывала на Новой Земле и Мысе Желания, но арктическая суровая жизнь лишь усилили её независимость.

В 19 лет выгнали из Литературного института, «за нарастание нездоровых настроений в творчестве», хорошо еще при поддержке Николая Тихонова в 1961 году выпустили в Москве первый сборник стихов «Мыс Желания», но уже в 1962 году занесли молодого поэта в самые «черные списки» за стихи «Памяти Тициана Табидзе».

*На Мцхету падает звезда.
Уже не больно ей разбиться,
Но плачет Тициан Табидзе.
На Мцхету падает звезда.*

Но, с другой стороны, тогда же, с юности пришло признание и поэтов, и читателя. Познакомившись с этим стихотворением, **Анна Ахматова** стала воспринимать Юнну Мориц наряду с **И. Бродским**, как равных себе поэтов. Впрочем, Юнна Мориц не унывала, она сразу же нашла своего такого же непослушного читателя. И потому «И в черных списках было мне светло»:

*Я десять лет не издавала книг,
Но не рыдала, что «сизжу в опале».
В какой опале, если ни на миг
Ни я, ни мой читатель не пропали?!.*

Юнна Мориц всегда весело сочиняла свои слова: «любли», «гдетство», «гдерево», "гденьги", «кастрюлька-ядоварка», сама красочно зарисовывала свои стихи. А потом её стихи легко укладывались в знакомые всем песенки. Но чего у неё никогда не было — это отстранения от своей страны, своей родной природы, от простых людей. **Булат Окуджава** как-то посвятил её прекрасное четверостишие:
Юнне Мориц

*Среди стерни и незабудок
не нами выбрана стезя,
и родина — есть предрассудок,
который победить нельзя.*

Вот это непобежденное чувство родины и помогало Юнне переносить все травли и «черные списки». Она явно не вписывалась ни в шестидесятнический евтушенко-ахмадулинский настрой, ни в диссидентствующую культуру, четко обозначив свои позиции для всех тех, кто предлагал Юнне покинуть нашу страну.

Западный мир явно её не прельщает:

*Все там, брат, чужое,
не по нашей вере.
Не по нашей мере
окна там и двери...
Но всего чужее —
страх чужой при мысли,
что у них на шее
мы с тобой повиснем.*

Она ощущала себя русским поэтом, и никаким другим, органической частью русской культуры. Если для чиновников, и советских, и антисоветских, Юнна Петровна всегда была какая-то чужая, то для своего Читателя с большой Буквы, она была родной, своей, от 5 до 500 лет. Когда Юнну Мориц как-то спросили, что это такое — быть русским поэтом? Она сразу же ответила:

«...А что значит быть русским ученым, русским путешественником, русским архитектором, художником, артистом, русским врачом, философом, русским лесом, русским облаком в русском небе?.. Лично для меня это значит — быть Поэтом. Человек, вписанный в колесо (вниз головой!), — таков поэт в одном из образов классической древности. В этом античном взгляде на природу поэта есть нечто абсолютно русское. Язык русской поэзии в колесе русской и всемирной истории... Естественно, я — русский поэт. За что и переведены мои стихи на множество европейских, и не только европейских, языков.»

Я высоко ценил её стихи во все времена, детям своим покупал её детские книжки, сам с упоением погружался во взрослые... Тем более, её неприятие чиновной элиты мне самому было очень близко. В чем-то она была схожа с Иосифом Бродским, тоже не зависящим ни от либералов, ни от консерваторов, точно также Юнна Мориц не входила ни в какие поэтические стаи. Недаром, они и ценили друг друга.

И все-таки, наивысший взлет поэзии Юнны Мориц совпал с повышением гражданственности её стихов. Кроме изысканного языка, кроме ярких игровых образов, приходит к настоящим большим

поэтам и чувство сопричастности — с миром, с родным языком, не побоюсь этого слова — с народом. Как Анна Ахматова писала в «Реквиеме»: «Я была тогда с моим народом...», так и Юнна Мориц не собиралась уходить от своего народа в космополитическую европеизированную наднациональную элиту. Когда-то она написала: «В комнате с котенком, / тесной, угловой, / я была жиденком / с кудрявой головой...» А рядом, за стенкой, жили татары, православные, в тесноте, да не в обиде. «Под гитару пенье, / чудное мгновенье — / темных предрассудков / полное забвенье!» Это все та же барачная, коммунальная атмосфера тридцатых годов, что и у Высоцкого: «Мои — без вести павшие, твои — безвинно севшие». С той поры у Юнны Мориц и ненависть к рою садящихся на сладкое, и желание чувствовать себя в изгнании от кормушек, от власти, от наград.

Казалось бы, ей с её «черносписочностью» и быть после развала Советского Союза, после горбачевской перестройки в первых рядах наших либералов, её и начали возносить на горбачевской волне, быстро премию «Триумф» дали, готовы были и на Нобелевскую премию выдвигать, но уже поэма «Звезда сербости» сразу же отпугнула всех. Из журнала «Знамя» вернули даже с каким-то презрением, мол, до чего же Юнна Мориц докатилась, сербов защищать, возмущаться американскими бомбардировками. И потому, в девяностые началась ее вторая «безкнижная» десятилетка, попала уже в новые «черные списки». И как песни русского сопротивления зазвучали по всей России уже антилиберальные стихи всё такой же яркой и талантливой, такой же изысканной, но к тому же и гражданской поэтессы Юнны Мориц:

*Диктатура либералов, тирания либералов,
Либеральное гестапо: кто не с ними — тот нигде!..
Что-то в зверстве либералов есть от лагерных амбалов,
Крокодилов креативных, эффективных в той среде...
Диктатура либералов, тирания либералов,
Их кричалки, обещалки растерзательных расправ, —
Что-то в зверстве либералов есть от пыточных подвалов,
Где с Россией разберутся, шкуру заживо содрав.*

Небезызвестный либерал Дмитрий Быков после выхода «Звезды сербости» сразу же назвал поэму в защиту сербов и России «антиамериканской». Ну что же, те, кто когда-то Юнну обвиняли в антисоветскости, сегодня обвиняют свободно мыслящих людей в антиамериканизме.

Юнна Мориц убеждена, что дело не в самой Америке, а в либеральной ненависти к русской истории, к русской культуре, даже к русскому языку. Юнна Мориц и не скрывает, что пишет чистую лирику Сопrotивления. *«Те же самые типы при советской власти вопили, что я — „антирусская“, теперь вопят, что я — „антиамериканская“ ...»*

<...>

Переход Юнны Мориц от изысканной эстетики к протестной поэзии похож на такой же переход Александра Блока к «Двенадцати». Можно не принимать позицию Блока, но отмахнуться от его поэтической глыбы никто не может.

Так и с протестной поэзией Юнны Мориц, можно быть против сербов, против ополченцев Донбасса, в конце концов, против всех русских, но если ты не чувствуешь поэзию, не чувствуешь красоту слова, свободу слова, не лезь в поэзию.

Юнна Мориц всегда в своей поэзии предпочитает первичность жизни, первичность ощущений, первичность запаха и звука любым эффектным формальным приемам.

Еще в 1979 году Юнна Мориц писала:

*Я знаю путь и поперек потока,
Он тоже — веций, из грядущих строк.
Он всем известен, но поэты только
Стоят по грудь — потока поперек.*

Юнна Мориц не принимала жеманных игр и эстетического рукоделия в литературных салонах еще и потому, что на всю жизнь осталась обожжена своим военным детством, всегда помнила, каково это:

*Из горящего поезда на траву
выбрасывали детей.*

*Я плыла по кровавому, скользкому рву
человеческих внутренностей, костей...
Так на пятом году мне послал Господь
спасенье и долгий путь...
Но ужас натек в мою кровь и плоть —
и катается там, как ртуть!*

Юнна Мориц любила изысканность стиля, увлекалась сложными рифмами, экспериментировала с ритмом стиха, чем так понравилась ведущему теоретику стиха **Михаилу Гаспарову**, но эстетам всегда мешала ее запрятанная глубоко под кожей ранимость на гонимость, дерзость к властителям в литературе, отказ от ученичества:

*Из-за того, что я была иной,
и не лизала сахар ваш дрянной,
ошейник не носила номерной,
и ваших прочих благ промчалась мимо...*

Она шла по свободному пути одиночества, отказавшись от многих шалостей интеллигенции, от ее снобизма, от ее учительства. И более того, отказав высококолобой интеллигенции в праве учительства над народом. «Мой кругозор остается почти примитивным, — только мое и твое сокровенное дело».

Свои принципы Юнна Мориц не пожелала поменять и после перестройки. Если в 1979 году она писала:

*Нет, нет и нет! Взгляни на дураков,
Геройство променявших на лакейство, —
Ни за какую благодать веков
Попасть я не желаю в их семейство!*

— то, продолжая эту тему и дальше, едко наблюдая за «лакеизацией» всей числящей себя прогрессивной культуры, она уже в 1998 году, отказываясь от вежливости и осторожности в выражениях, переходит на прямую речь:

*Меня от сливок общества тошнит!..
В особенности — от культурных сливок,
От сливок, взбитых сливками культуры...*

Юнна Мориц тоскует о поэзии Большого Стиля, над которой ныне издеваются все поц-модернисты:

*Уже и Гитлера простили
И по убитым не грустят.
Поэзию большого стиля
Посмертно, может быть, простят...*

Неожиданно для многих за большой стиль в поэзии, в культуре, в жизни стали после краха советской власти заступаться не придворные лакеи, не авторы «Лонжюмо» и «Братской ГЭС», не завсегдатаи салонов ЦК и ЧК, а вечно отверженные любители красоты и носители почвы, такие, как Юнна Мориц.

Она сама была поражена тем обнаруженным и осязаемым вероломством, что «...как только „Союз нерушимый“ вывел войска из Афганистана, из стран соцлагеря, как только разрушили Берлинскую стену, как только Россия стала разоружаться — о Россию вдруг стали дружно вытирать ноги, как о тряпку, печатать карты ее грядущего распада, вопить о ее дикости и культурной отсталости, ликовать, что такой страны, как Россия, больше не существует. С тех пор как я увидела и услышала всю эту „высокоинтеллектуальную“ улюлюкалку, чувство национального позора меня в значительной степени покинуло. В особенности под „ангельскую музыку“ правозащитных бомбовозов над Балканами».

Самое удивительное, в рейтинге продаж в наше нынешнее непоэтическое время её последние сборники идут наравне с прозой самых популярных писателей. На всех книжных ярмарках выстраивается огромнейшая очередь за автографами, и поэтесса (или поэтка, как она сама себя называет) часами не может отойти от стола. Проходящие мимо никому не интересные либеральные поэты лишь шипят от злости и зависти.

Юнна Петровна Мориц служит русскому языку и русской поэзии, и потому её поэзия по-настоящему значима и поныне.

<...> И пусть в интернете либералы устраивают целое судилище над поэтом. Юнна Мориц уже давно привыкла к этой машине травли, заряжается от неё новой энергией Сопротивления, спускается со своего «Облака Поэтства» и идет на баррикады. Они лишь показывают Читателю свою низость, поэт не скрывает: *«...Они сгорают от чёрной зависти (чёрной осы хамства!), и нет для них более «ужасного» поэта, чем я, и нет для них более «ужасных» стихов, чем мои. Огромная им за это благодарность: в моей новой книге «Сквозеро» есть отдельная книга «Ужасные стихи», чьё название я ukrала у этих поваров с либеральной кухни репутаций.*

Да, я пишу «ужасные» стихи, лично мне принадлежит этот «ужасный» жанр и его «ужасная» поэтика, — таким «ужасным» мастерством не владеет более никто, и в этом «ужасном» книготворении и рисункописании нет мне равных! Я — самый «ужасный» поэт и пишу самые «ужасные» строки, в самом «ужасном» стиле, например: «Воняет ненавистью к России», или «Война уже идёт, не с сербами, а с нами».

Я уверен, что кроме огромного количества читателей этой протестной поэзии Юнны Мориц, согласных с её позицией, есть немало читателей, просто наслаждающихся виртуозностью её стихов, изобретательностью приемов, слововерчением, словокручением, напоминающим мне ранний футуризм **Велимира Хлебникова** и **Василия Каменского**. Удачные политические памфлеты не так уж часто встречаются в нашей поэзии.

<...>

И кроме всего прочего, Юнна Мориц ведет себя, как положено вести большому русскому поэту, не подлаживаясь ни под кого. Любимейшая поэтесса у многих читателей шестидесятых годов, она по-прежнему остается любимейшей уже у молодежи, спустя добрых полвека. И это уже никакими корыстными мотивами не объяснить. А она всего лишь в старых добрых русских традициях пишет стихи о том, что надо любить свою Родину, не продаваться, не предавать.

*И в чёрных списках было мне светло,
И в одиночестве мне было многодетно,
В квадрате чёрном Ангела крыло
Мне выбелило воздух разноцветно.
<...>*

Четко, просто и правдиво. Вот за это и мстят последнему из оставшихся в живых великих русских поэтов уходящей советской эпохи — Юнне Петровне Мориц.

Я обрадовался, когда увидел, что критик более молодого поколения **Дмитрий Лекух** пишет о «великом поэте, замолчанном заживо». Полностью солидарен с его мнением, что Юнна Мориц — это: «Маленькая, седая, совершенно железная и, слава Богу, до сих пор живая женщина, имеющая наглость писать гениальные стихи, на фоне которых различные включаемые чиновниками от министерства просвещения в школьную программу „современные литературные классики“ выглядят, извините меня, совершенными литературными пигмеями. И иметь при этом совершенно не подобающее „либеральной интеллигенции“ мировоззрение, которое было невозможно сломать и в годы Советской власти, и, тем более, сейчас...»

Я рад, что жива и активно работает давняя моя знакомая, о чьих удивительных стихах не раз писал, рад, что, несмотря на все сплетни либералов, жив и её огромный талант. Вот уж кому пора присуждать всенародную премию.

*Ни у кого не спрашивай: «Когда!»
Никто не знает, как длинна дорога
От первого двустушья до второго,
Тем более до страшного суда.
Ни у кого не спрашивай: «Куда!»
Куда лететь, чтоб вовремя и к месту!
Природа крылья вычеркнет в отместку
За признаки отсутствия стыда.
Все хорошо. Так будь самим собой!
Все хорошо. И нас не убывает.*

*Судьба — она останется судьбой.
Все хорошо. И лучше не бывает.*

Ю.П. Мориц. «Скрижаль»

Владимир Бондаренко - российский литературный критик, публицист, журналист. Заместитель главного редактора газеты «Завтра». Главный редактор газеты «День литературы».

Член Союза писателей России с 1991 года. Публикуется в газете «Литературная Россия», журнале «Наш современник».

Источник: <http://sypressa.ru/culture/article/94903/>